

Новая Польша 2/2018

0: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Президент Анджей Дуда вчера принял присягу правительства нового премьер-министра Матеуша Моравецкого. (...) Изменения в составе кабинета министров произойдут только в январе». («Газета wyborcza», 12 дек.)
- «Краткое содержание выступления премьер-министра Моравецкого. • НАТО продолжает оставаться фундаментом нашей безопасности, а США — нашим главным союзником (...). • Нам не нужен ЕС двух скоростей (...). • Гдыня станет центральным портом, осуществляющим морское сообщение (...). • Уголь — это основа нашей энергетики (...). • Нам по-прежнему не хватает 3-4 миллионов квартир (...). Не у всех есть деньги на экологически чистое топливо, борьба со смогом — это программа поддержки беднейших слоев населения (...). • Мы добьемся значительного повышения расходов на здравоохранение — до 6% ВВП (...)». («Жечпосполита», 13 дек.)
- «Впервые за четверть с лишним века премьер-министр с парламентской трибуны признал, что Польша является колонией иностранного капитала, говорит проф. Витольд Модзелевский». («Газета Польска цодзенне», 14 дек.)
- Фрагменты интервью с премьер-министром Матеушем Моравецким. «Цель, которую обозначило перед правительством наше политическое руководство во главе с председателем Ярославом Качинским, и которая заложена также в нашей программе — это модернизация и укрепление сильной и безопасной Польши. (...) Я очень польщен кредитом доверия, полученным мной от руководства правящей партии. (...) Это в первую очередь правительство “Права и справедливости”, правительство объединенных правых сил. Поэтому его состав согласовывается с политическим руководством правящей партии, в первую очередь с Ярославом Качинским. (...) Наше прошлое воспитало меня во имя нашего будущего. (...) Я очень рад, что с недавних пор в Варшаве появился проспект Леха Качинского». («Газета польска», 13-19 дек.)
- «ПИС получила в свое распоряжение центральную власть и компании государственного казначейства, а сейчас берет под контроль суды. Тем самым в руках правящей партии оказываются инструменты, благодаря которым у экономической элиты Третьей Речи Посполитой появляется повод попроситься под отеческое крыло ПИС. Моравецкий — отличная кандидатура, чтобы убедить их в этом. (...) Обе стороны должны доверять друг другу — а важным элементом этого доверия выступает использование одного и того же политико-культурного кода. (...) Новый премьер-министр идеально подходит для проведения такого рода переговоров, поскольку изъясняется при помощи этого кода так же легко, как дышит. Моравецкому удастся убедить их перейти на сторону ПИС, поскольку он сам является живым примером того, что такой переход возможен. Он может сказать: мы с вами одной крови, мы — бизнес-элита Третьей Речи Посполитой. (...) Никакой модернизации Польши не будет, зато появится олигархически-кумовская система, а эти господа поставят себе в заслугу, что им удалось навести порядок в польской экономике и направить страну по пути ускоренного развития», — Людвик Дорн. («Польска», 15-17 дек.)
- «Вчера премьер-министр Матеуш Моравецкий встретился в Будапеште с Виктором Орбаном. В вечернем интервью польскому телеканалу “TVP” руководитель Венгрии заявил: “Процедура, возбужденная Европейской комиссией в отношении Польши, совершенно безосновательна, к тому же ведется с нарушениями”». («Газета Польска цодзенне», 4 янв.)
- «На сайте еженедельника “Washington Examiner” премьер-министр Матеуш Моравецкий (...) написал: “Дела между судьями распределяются их же приспешниками, без какого-либо государственного надзора. (...) Друзьям они помогают, соперникам — мстят. Если дело кажется особенно выгодным, вымогается взятка. Рассмотрение дела иногда затягивается до бесконечности, что только на руку богатым и влиятельным ответчикам. Правосудие слишком часто оказывается недоступным для тех, кто не располагает политическим влиянием и солидным банковским счетом”». (Томаш Петрига, «Жечпосполита», 20 дек.)
- «Во вторник слово взяла созванная в срочном порядке коллегия Верховного суда. (...) В своей резолюции коллегия Верховного суда опровергает ложную информацию. Судьи пишут: утверждения о том, что в результате заседаний Круглого стола генерал Войцех Ярузельский назначил уже в свободной Польше на должности судей бывших коммунистов, ложны. (...) Также не соответствует действительности заявление о том, что в работе Национального совета правосудия при рассмотрении конкурсов на должности не принимали участие рядовые судьи и сотрудники представительных органов власти. (...) Утверждение, что нынешняя система назначений на судейские должности основана на кумовстве и коррупции — это тоже ложь. Четвертая претензия касается слов премьер-министра о распределении дел в польских судах. Судьи Верховного суда подчеркивают, что это тоже неправда. (...) Судьи напомнили Матеушу Моравецкому, что если он, как глава правительства, располагает информацией о преступной деятельности судей, он обязан проинформировать об этом следственные органы». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 20 дек.)

- «В пятницу вечером Сенат без поправок принял законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Когда истечет срок полномочий судей, входящих в состав Национального совета правосудия, новых членов совета выберут политики. Наполовину обновится также состав Верховного суда. В его структуре появятся две новые палаты. Можно будет пересматривать вступившие в силу приговоры двадцатилетней давности. В четверг ночью Сейм внес поправки в избирательное право, усилив влияние правительства на ход и организацию выборов». («Жечпосполита», 18 дек.)
- «В новых условиях фактическим начальником следственных органов является генеральный прокурор Збигнев Зебро. Если он встанет во главе судов, мы получим классическое полицейское государство», — проф. Кароль Модзелевский. («Пшеглэнд», 27 дек. 2017 — 1 янв. 2018)
- «Хельсинкский фонд по правам человека и еще 46 неправительственных организаций направили президенту Анджею Дуде письмо с требованием наложить вето на законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия». («Супер экспресс», 15 дек.)
- «Смена кадров будет первым результатом вступления в силу уже одобренных Сенатом законов о Верховном суде и Национальном совете правосудия. Президент получил возможность влиять на состав Верховного суда, а депутаты будут определять состав квалифицированного большинства членов совета. (...) Более трехсот юристов крупнейших юридических фирм призвали президента наложить вето на эти законы». («Дзенник газета правна», 18 дек.)
- «Президент Анджей Дуда подписал в среду законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Это произошло через три часа после того, как Европейская комиссия приняла беспрецедентное решение: применить в отношении Польши статью 7 договора о ЕС, в результате чего Польша будет признана неправовым государством. Это ответ на проводимую ПИС реформу системы правосудия, начиная от политического захвата Конституционного трибунала и подчинения судей министру юстиции до сокращения срока полномочий судей Верховного суда. (...) Никто из комиссаров ЕС не возражал против такого решения. (...) Решение комиссии может быть отменено, если в течение трех месяцев Польша выполнит рекомендации комиссии относительно Конституционного трибунала, Верховного суда и Национального совета правосудия. (...) Согласно результатам опроса Института рыночных и социологических исследований большинство респондентов (53%) хотело бы, чтобы президент Дуда не подписывал оба закона, противоположного мнения придерживаются 34% опрошенных». (Зузанна Домбровская, Анна Слоевская, «Жечпосполита», 21 дек.)
- «Национальный совет правосудия, в состав которого входят по большей части ставленники ПИС (а не судьи, как раньше), назначил судей Верховного суда, в первую очередь членов новых палат: палаты чрезвычайного контроля и дисциплинарной палаты. (...) Кроме того, в работе обеих новых палат принимают участие заседатели (...), избранные Сенатом, где ПИС располагает большинством голосов. Эти заседатели также будут принимать решения по вопросам, связанным с выборами и дисциплинарной ответственностью. Снижение пенсионного возраста судей общей юрисдикции вместе с расширением полномочий министра юстиции (...) дает властям возможность влиять на многих судей, готовых вести себя тихо в обмен на различные бонусы и привилегии. Принятие нового закона о судах в сочетании с (...) новым законом о прокуратуре, объединяющим должности генерального прокурора и министра юстиции, приведет к тому, что один и тот же человек будет одновременно и участвовать в судебных процессах (в качестве прокурора), и осуществлять надзор за работой судов (в качестве министра). (...) Более того, министр как генеральный прокурор получает право инициировать так называемую чрезвычайную жалобу, позволяющей (...) пересматривать — и тем самым подвергать сомнению — вступившие в законную силу решения всех инстанций многолетней давности. (...) Венецианская комиссия в своем заключении неоднократно (...) ссылаясь на советскую модель (...): “Предлагаемая польская система не совсем идентична бывшей советской, однако между ними много общего”», — проф. Войцех Садурский. («Газета wyborcza», 16-17 дек.)
- «Захват судов министром Зебро набирает скорость. С августа министр уволил уже 49 председателей и 49 заместителей председателей судов. На вакантные должности, появившиеся в результате его деятельности либо целенаправленно удерживаемые, он назначил уже 118 председателей и их заместителей. “Мы пока что на полпути”, — говорит вице-министр юстиции Лукаш Плебак». (Мартин Стельмаськ, «Газета wyborcza», 22 дек.)
- «Ассамблея представителей судей Окружного суда в Варшаве приняла две резолюции. В первой она обращается к президенту Дуде с призывом не подписывать законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Во второй резолюции ассамблея призывает судей не баллотироваться в Национальный совет правосудия». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 18 дек.)
- «Судьи Окружного суда, а также районных судов краковского Средместья и Мысленице (...) выразили свой решительный протест по поводу решения министра юстиции об увольнении председателей и заместителей председателей краковских судов. (...) Они призывают других судей не занимать предлагаемые им должности и отказаться от тех, которые те уже успели занять. (...) Судьи также просят президента наложить вето на законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 19 дек.)
- «Всеобщая ассамблея судей Радомского округа призывает новых председателей судов, назначенных министром Зебро, отказаться от должностей». («Газета wyborcza», 3 янв.)
- «Господин Лонгин из Вейхерово ежедневно сообщает мне, сколько человек протестовало перед судом в его

городе. Иногда их бывало около сотни, позавчера — лишь 12 человек. Последнее сообщение: “Перед судом в Вейхерово нас было трое. Мы спели польский гимн. Поговорили о своих заботах. Свобода, равенство, демократия.”», — Томаш Яструн. («Пшеглэнд», 2-7 янв.)

- «В среду Районный суд варшавского района Средместье рассматривал первые три из 39 жалоб активистов движения “Граждане Речи Посполитой”, задержанных 11 ноября на улице Смольной в Варшаве. В тот день общественники пытались воспрепятствовать “Маршу независимости”, однако еще до 15 часов их окружила полиция. 45 человек были доставлены в комендатуру полиции. (...) Суд постановил, что имевшее место задержание было безосновательным и незаконным. (...) “Как видим, судьи не поддаются давлению. Они реагируют на нарушения, борются с ними, выносят решения, руководствуясь нормами права и собственной совестью. Это очень важно, особенно в условиях, когда их независимость под угрозой. Это испытание судьи проходят, к счастью, успешно”, — говорит адвокат Катажина Гайовничек-Прушинская, представляющая в суде интересы “Граждан Речи Посполитой”. И добавляет, что в устном обосновании суд проинформировал стороны о своих намерениях обратиться в прокуратуру, поскольку подозревает сотрудников полиции в совершении преступления, выразившегося в превышении полномочий либо в ненадлежащем выполнении своих обязанностей». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 5-7 янв.)

- «Муниципальные выборы в этом году пройдут по новым правилам. (...) Как утверждают юристы, принятый законопроект “полностью противоречит не только конституции Польши, но и законодательству ЕС”. (...) О политизированности закона говорит, в частности, порядок избрания членов Государственной избирательной комиссии (ГИК). Семеро из девяти членов ГИК должны избираться Сеймом. (...) Ранее эта структура по определению была вне политики. (...) Неясно также, что значит “руководство за надлежащее исполнение своих обязанностей”, совершаемое главами избиркомов (их число сокращено). (...) Станным выглядит и предложение, чтобы новый руководитель Национального избирательного бюро выбирался ГИК из трех кандидатов, представляемых... министром внутренних дел. (...) К принципиальным изменениям можно отнести введение двух сроков полномочий для старост, бурмистров и мэров городов. (...) “Это новшество вводит авторитарный метод руководства на уровне местного самоуправления, — говорит юрист Яцек Свеца. — Подобным же образом я оцениваю автоматическое продление полномочий советов гмин и поветов с 4 до 5 лет”». (Роберт Бискупский, «Жечпосполита», 3 янв.)

- «Главами избиркомов в регионах уже будут не судьи, а лица с юридическим образованием, назначенные министром внутренних дел. Это они станут начальниками 5 тысяч сотрудников избиркомов. С 2023 года они также будут решать, как должны выглядеть избирательные округа. Таковы новшества, предусмотренные принятым Сеймом законом о внесении изменений в избирательный кодекс. (...) После очередных парламентских выборов изменится состав Государственной избирательной комиссии. Сегодня она состоит исключительно из судей. После реформы судей там будет только двое. Остальных членов комиссии будет выбирать Сейм». («Дзенник газета правна», 18 дек.)

- «Национальный совет телевидения и радиовещания назначил телеканалу “TVN24” штраф в размере 1,48 млн злотых. Речь идет о репортажах с протестных акций в Сейме и возле здания Сейма в декабре 2016 года. (...) По мнению совета, телеканал, рассказывая о событиях 16-18 декабря 2016 года, нарушил закон о телевидении и радиовещании, пропагандируя действия, запрещенные законом, и поддерживая акции, угрожающие безопасности». («Жечпосполита», 12 дек.)

- «Со своей позицией выступил даже Госдепартамент США (“TVN24” уже более двух лет принадлежит американской фирме “Scripps Networks Interactive”). В заявлении госдепартамента говорится, что США обеспокоены решением наложить штраф на “TVN24” за якобы необъективное освещение демонстраций перед Сеймом. (...) EPRA (Европейская платформа регулирующих органов), международная организация, объединяющая 56 структур, регулирующих деятельность масс-медиа, из 46 стран, попросила (...) поделиться подробностями (...) принятия решения о назначении взыскания. (...) Премьер-министру Моравецкому в четверг пришлось объясняться по поводу решения Национального совета телевидения и радиовещания в Брюсселе». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 15 дек.)

- «С 1 марта 2018 г. (...) вступает в силу принятый Сенатом закон, ограничивающий торговлю в воскресенье. Закон принят для того, чтобы работники магазинов могли в воскресенье отдохнуть, а покупатели — провести время с семьями и поучаствовать в религиозных обрядах». («Дзенник газета правна», 18 дек.)

- «В 2016 году на воскресную литургию приходили 36,7% верующих. (...) Между 1980 и 1990 годами воскресную литургию посещало около половины прихожан, в 2011 году — только 40%, а в 2013 году их количество впервые оказалось меньше 40% (39,1%). (...) Среди тех, кто посещает воскресные богослужения, количество принявших первое причастие составило в 2016 году 16% (на 1% меньше, чем в 2015 году). (...) Запущена новая пастырская программа, цель которой — новое открытие верующими Святого Духа. (...) По мнению архиепископа Виктора Сковрца, председателя комиссии пастырской работы Конференции Епископата Польши, на пробуждение религиозного самосознания поляков должно также повлиять ограничение торговли в воскресенье». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 5-7 янв.)

- «Количество выявленных случаев коррупции, злоупотребления властью и взяточничества растет с лавинообразной скоростью. В прошлом году (до конца ноября) количество преступлений такого рода превысило

32 тыс. — это на 17,5% больше, чем за аналогичный период 2016 года, сообщает Главная комендатура полиции». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 3 янв.)

• «Украинский поэт Сергей Жадан, которого я встретил в прошлом году на литературном фестивале в Катовице, подошел ко мне и, глядя мне в глаза с грустью и как будто с некоторым упреком, спросил: “Во что вы превратили эту страну? Во что вы ее превратили?”. Мне ничего не оставалось, как ответить: “Не знаю, б..., Сергей, не знаю”, потому что для украинцев Польша была образцом, показывала как выйти из коммунистического дерьма. Они и в самом деле думали, что у нас можно этому поучиться. А я мог только повторить вслед за Пилсудским, который, обращаясь к украинским офицерам, сказал: “Простите меня, господа, простите...”», — Анджей Стасюк («Ньюсуик Польска», 2-7 янв.)

• «Введение военного положения застало меня врасплох. По прошествии времени видно, что его подготовка велась практически на наших глазах, нам просто не хватило воображения, чтобы связать все элементы в одно целое. (...) И таким сигналом мне сегодня представляется создание войск территориальной обороны. Ведь Мацеревиц не скрывает, что цель этих формирований — борьба с внешним и внутренним врагом. О каком внутреннем враге может идти речь в таком однородном социуме, как наш? Или взять, к примеру, постоянные кадровые рокировки среди комендантов полиции. В одной только Варшаве за последние два года сменилось четыре коменданта. Невозможно поверить, что ни один не справлялся со своими обязанностями. Видимо, все они были недостаточно лояльны по отношению к власти. Это уже происходит, просто нам опять не хватает воображения, чтобы понять, к чему всё идет. Я это уже видел, я это фотографировал. (...) Мы забыли, что такое война, и потому начали опасную игру, думая, что мир можно поджечь еще раз. (...) У меня в голове не укладывается, что в городе, где так чтят память о варшавском восстании, могли допустить марш фашистов. (...) Власти втихаря разрешили им это. Фашистам уже не нужно скрывать свои взгляды. Как могло получиться, что священник благословил членов Национально-радикального лагеря перед маршем? Мне звонят приятели из других стран и спрашивают, мол, что у вас там происходит? В глазах всей Европы Польша становится чужой, непонятной страной», — Крис Ниденталь. («Политика», 1-9 янв.)

• «В 0.33 в ночь со среды на четверг, (...) в полицейской базе появилось сообщение: “Улица Хубская, 111, напротив «Лидла», мужчина в состоянии алкогольного опьянения, без обуви”. Пьяного обнаружили сотрудники охраны железнодорожных путей. “На месте выяснилось, что лежащий человек — начальник городской комендатуры полиции Вроцлава”, — записали полицейские. Подинспектор Збигнев Рачак был недавно переведен из Острова Велькопольского во Вроцлав на повышение». (Яцек Харлукович, «Газета выборча», 5-7 янв.)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 45%, «Гражданская платформа» — 18%, «Современная» — 10%, Кукиз'15 — 8%, Союз демократических левых сил — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Вместе» — 5%, «Свобода» — 3%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос исследовательского института “Pollster”, 13-15 декабря. («Супер экспресс», 16-17 дек.)

• «Согласно опросу “Kantar Public” от 11 декабря, явка на выборах могла бы составить 66,2%». («Факт», 14 дек.)

• “10 тыс. спящих ботов с 31 октября наблюдают за аккаунтами в твиттере, принадлежащими лидерам польской оппозиции. Знаете, что это значит? Что в Польше началась информационная война!”, — написала во вступлении к своему аналитическому докладу Анна Межинская, специалист по соцсетям, занимающаяся исследованиями интернет-среды. Боты — это роботы, имитирующие реальных пользователей, с их помощью, в частности, распространяется спам и вредоносные ссылки, а также дискредитируются политики. (...) По мнению Межинской, идет подготовка к информационной войне, цель которой — влиять на общественные настроения посредством распространения ложной информации, подогревая самые радикальные эмоции. (...) В свою очередь, согласно исследованиям Роберта Горвы, (...) каждый третий пост на польском фейсбуке (22 млн пользователей) и в твиттере, касающийся политики, размещается ботами по заказу различных политических кругов. (...) По всей видимости, большинство интернет-сайтов, используемых российскими спецслужбами в Польше, создаются здесь, у нас. (...) Аналитик Адам Хартли (...) утверждает, что в последние два года роботы в польском информационном пространстве поддерживают то одну сторону политической дискуссии, то другую. (...) Станислав М. Станчук осторожно замечает, что наблюдаемое нами явление — это еще не боты, занимающиеся дезинформацией, которые выдают себя за нормальных пользователей и стараются вызвать доверие как можно большего количества людей в твиттере. Их время еще впереди». (Виолетта Красновская, Мартина Сюдак, «Политика», 13-17 дек.)

• «Почти 5 тыс. человек обжаловали решение уменьшить выплаты бывшим силовикам, которые хотя бы один день прослужили в ПНР. (...) До 11 декабря поступило 4674 такие жалобы. (...) В этой связи суд обратился к министру юстиции с просьбой создать специальный отдел, который занялся бы только этими жалобами. Суд хотел бы, чтобы над этим работали как минимум 125 человек: 25 судей, 25 ассистентов и 75 чиновников. (...) Бюджету это может обойтись в 1 миллион злотых ежемесячно». (Кацпер Суловский, «Газета выборча», 15 дек.)

• «Снижение пенсионного возраста я считаю одним из самых странных решений нынешнего правительства, очень вредным для Польши. Прогнозируемая продолжительность жизни в Польше быстро растет. При этом рождаемость в вашей стране — одна из самых низких в мире. (...) Налоги в Польше составляют примерно 39% национального дохода, а бюджетные расходы — около 42%. Таким образом, дефицит составляет 3%, но он будет

расти из-за старения населения. Мудрая экономическая политика должна планировать все на двадцать лет вперед. Количество людей старше 65 лет растет. Как платить им пенсии, одновременно сохраняя конкурентоспособность экономики? (...) По всей видимости, численность населения в Польше сохранится на нынешнем уровне или даже немного уменьшится. Во многих западных странах та же тенденция. В этом нет ничего плохого. Но и ничего хорошего для экономического развития. Зато планета будет спасена от угрозы голода и глобального потепления», — Джеффри Сакс. («Политика», 1-9 янв.)

- «В последние годы количество браков между поляками и гражданами других государств выросло на 37,8% — с 3367 в 2015 году до 4662 в следующем. (...) В первую очередь выросло количество браков с украинками: в 2011 году таких союзов было 292, в 2013 — 424, в 2015 — 573, а в 2016 — 782. (...) Кроме украинок, польские мужчины охотно берут в жены россиянок и белорусок (в 2016 году зафиксировано соответственно 107 и 99 таких браков). (...) Быстро растет количество браков, заключенных на территории Польши украинскими парами (в 2010 году — 10, в 2015 — 49, в 2016 — 68)». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 3 янв.)
- «Официально их два миллиона, неофициально — четыре. В одном только Вроцлаве 10% населения составляют украинцы. Если бы все они вдруг уехали в один день, работа предприятий торговли и общественного питания была бы парализована. Город бы попросту замер. Они работают на 14 часов в неделю больше, чем поляки, зарабатывая в среднем 2,1 тыс. злотых “брутто” в месяц. Как правило, работают они не по специальности, занимаясь неквалифицированным трудом. Свой заработок украинцы отправляют домой, семье. Их жалование все реже оказывается ниже минимальной зарплаты. (...) Украинцы все чаще решают остаться в Польше насовсем». (Гжегож Шиманик, «Газета wyborcza», 18 дек.)
- «Президент Дуда начал свой визит в Харьков с посещения кладбища жертв тоталитаризма, где почтил память польских военных, убитых НКВД. Вместе с президентом Украины Петром Порошенко он возложил венок в память о жертвах этого преступления». (Мачей Кожушек, «Газета Польска цодзенне», 14 дек.)
- «В прошлом году Польша отказалась принимать 7 тыс. беженцев, которые должны были прибыть к нам в рамках программы ЕС по размещению беженцев. В это же самое время, по данным Евростата, мы выдали разрешения на пребывание в стране более чем 585 тыс. приезжих из стран, не входящих в ЕС». (Марек Рабий, «Тыгодник повсехны», 26 нояб.)
- «Сколько денег получила Польша из бюджета ЕС после вступления в Евросоюз? (...) После вступления Польши в ЕС в ее бюджет поступило 140,1 млрд евро. (...) В бюджет ЕС Польша внесла 46,7 млрд евро. (...) Источник: Европейская комиссия в Польше». («Газета wyborcza», 21 дек.)
- «В течение двух лет враждебное отношение к беженцам выросло с 25 до 75%. (...) Виселицы с лозунгом “Смерть врагам родины!” — это уже язык погрома. (...) И такие инциденты, как нападение на кебаб-кафе в Элке, уже имели место. В сети фотография, изображающая ликвидацию варшавского гетто, сопровождается подписями с призывами “истребить тварей-беженцев”. Это наглядно подтверждает, что мы живем среди потенциальных убийц», — Павел Добросельский. («Газета wyborcza», 16-17 дек.)
- «После шести лет войны в Сирии 2 млн 300 тыс. детей оказались беженцами. (...) Из 7082 беженцев, которых мы должны были принять, мы не приняли ни одного. (...) В этом году (данные за 8 декабря 2017 года) в Европу приплыло 161 376 беженцев, не только сирийцев. Из них утонуло и пропало в море 3080 человек. Сколько среди них было детей? Веселого Рождества, господин премьер-министр! Вкусного рождественского карпа в кругу семьи. Двое детей в день. До Рождества утонет еще несколько человек», — Войцех Тохман. («Газета wyborcza», 18 дек.)
- «Предпраздничная атмосфера в конце декабря заставляет задуматься, чего мы хотим пожелать близким, дальним и совсем далеким. Всюду царят оптимизм и надежда, что будет “еще лучше”. Страшно это произносить, но лучше уже не будет. Ожидание бесконечного улучшения нашей жизни сталкивается с участившимися предостережениями экологов, демографов и экономистов. (...) На наших глазах происходит банкротство надежды на постоянный прогресс. Как результат — сопротивление тех, кто за этим прогрессом не поспевает, а также последствия паразитического существования человека на планете Земля. (...) Нужно сказать честно: “довольствуйся малым”, (...) уважай Землю, на которой живешь, не желай ничего, что у ближнего твоего, не собирай сокровищ на земле, сдерживай свой аппетит...», — проф. Пшемислав Урбаньчик («Газета wyborcza», 30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)
- «По данным Института рыночных и социологических исследований, 67% поляков поддерживают запрет на разведение животных ради меха». («Политика», 22-28 нояб.)
- «Стратиграфические сигналы, датирующие начало антропоцена 50-ми годами прошлого столетия — это, в частности, радиоактивные элементы, которыми мы отравили недра, (...) пластик, лежащий даже на дне океана, сажа, что летит из печей и выхлопных труб, соединения фосфора и азота, которыми (...) мы засыпаем поля, (...) а также знаменитое ДДТ, убивающее насекомых, концентрация углекислого газа в атмосфере и (...) покрывающий весь мир толстый слой бетона. (...) На каждый квадратный метр поверхности Земли, в том числе океана, приходится сегодня один килограмм бетона. (...) В биомассе всех животных, существующих сегодня на Земле, дикие животные составляют всего лишь 3%. Горстка слонов, львов, тигров и китов противостоят целой орде людей, свиней, коров и овец. (...) Глобальное потепление на самом деле только начинается. Рост уровня океана только начинается. Шестое массовое вымирание только начинается...». (Томаш Улановский, «Газета wyborcza»,

30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

- «Согласно отчету Национальной библиотеки, всего 37% поляков прочитало в 2016 году хотя бы одну книгу. Тех, кто читает как минимум семь книг в год, оказалось 10%». («Жечпосполита», 1 дек.)
- «У меня есть несколько знакомых, которые без труда могли бы пользоваться огромным общественным авторитетом в связи со своей непредвзятостью, широким интеллектуальным кругозором и уважением к этическим нормам, обязательным для цивилизованного человека. К сожалению, именно по этим причинам у моих знакомых нет никаких шансов на всеобщее признание. (...) То, что нам удалось ниспровергнуть буквально все авторитеты, меня глубоко огорчает, и я вижу в этом серьезную угрозу для нашего будущего», — проф. Михал Клейбер, председатель Комитета прогнозов Польской академии наук. («Пшеглэнд», 27 дек. 2017 — 1 янв. 2018)
- «Всего за семь лет спрос на книги на берегах Вислы снизился почти на 40%, и сегодня на каждого поляка едва ли приходится три купленных книги в год». (Марек Рабий, «Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- «Каждой партии нужна социальная опора. У либеральных партий это средний класс, который в Польше по-прежнему довольно слаб. Кроме того, наше общество находится под сильным влиянием католической Церкви, и это влияние не только религиозного, но и политического характера, часто противоречащее либеральному восприятию мира. (...) В свое время депутат Богумила Боба из Христианско-национального блока сказала Витольду Гадомскому: “Вы, либералы, лучше этих из Союза демократических левых сил, поскольку вы евреи, а они — выкресты”. Красиво сказано. (...) Либеральная партия очень бы пригодилась сегодня для защиты гражданских свобод, для противодействия крепнущим националистическим, ксенофобским и популистским силам», — Анджей Арендарский, председатель Национальной экономической палаты, бывший министр внешнеэкономического сотрудничества. («Жечпосполита», 30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)
- Хошно находится в 80 км на юго-восток от Щецина. «Четверым арестованным сегодня 38, 41, 47 и 56 лет (когда они съели человека, были на 15 лет моложе). Пятый подозреваемый умер в начале 2017 года. (...) Следствие установило, что осенью 2002 года (...) злоумышленники сначала пытали похищенного человека, затем убили его ножом и отрезали жертве голову. Разрезали тело на части, некоторые куски поджарили на костре. Пили водку и закусывали жареным человеческим мясом. (...) Мясом с ягодиц и бедер преступники угощали знакомых. (...) В прокуратуре опасаются, что в этом уголовном процессе могут быть сложности с объектом преступления, поскольку личность жертвы не установлена». (Адам Задворный, «Газета wyborcza», 19 дек.)

1: Экономическая жизнь

Почти девять из десяти работодателей в Польше намереваются в текущем году принять новых сотрудников, а 72% фирм готовы повысить оплату труда. Инженерия, производство, логистика, услуги в сфере бизнеса, информатика и строительство — в этих отраслях работодатели почти единогласно заявляют о планах привлечения новых работников в текущем году. В докладе «Тенденции рынка труда», который оказался в распоряжении газеты «Жечпосполита», сообщается, что 88% из более чем 2500 обследованных предприятий вступили в 2018 год с планами расширения персонала. Главная причина для привлечения сотрудников — это обусловленный благоприятной конъюнктурой растущий спрос на продукцию или услуги фирм. Вторая — дефицит квалифицированных кадров: лишь 38% опрошенных работодателей считают, что их персонал обладает компетенциями, необходимыми для выполнения целей бизнеса. Остальные опрошенные ощущают нехватку кадров, которую будет нелегко восполнить, поскольку таких фирм — 89% среди всех охваченных исследованием.

Нынешний год должен стать рекордным для польской автомобильной отрасли и авторынка. Продажа автомобилей, вероятнее всего, превысит уровень 2017 года, ожидаются также новые инвестиции. Для импортеров и автодилеров хороший знак — укрепляющийся злотый и снижение числа регистраций сильно подержанных автомобилей. По мнению председателя Польского автомобильного союза Якуба Фарыся, который дал интервью газете «Жечпосполита», Польша уже снискала признание как страна, где производятся даже наиболее сложные детали и конструктивные элементы для автомобилей. Поэтому в столь высоком темпе в Польше возникают заводы автомобильных комплектующих. Таких предприятий становится все больше. Корейский «LG» производит в Польше аккумуляторные батареи для электромобилей. «Мерседес» в будущем году запускает в Польше моторный завод, сориентированный на производство самых современных двигателей. «Тойота» ввела в строй завод гибридных двигателей. С собственным выпуском электромобилей возможны проблемы, поскольку должна быть создана специальная техническая база, полностью отличная от производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

Вообще-то рабочих рук в Польше достаточно. Не хватает только идей, как эти руки использовать, — пишет газета «Жечпосполита». Как полагают экономисты Национального банка Польши, число тех, кто не работает, однако не потерял для рынка труда, может достигать 4 млн. Речь идет, прежде всего, о жителях села и женщинах, занятых домашним хозяйством. В Польше возрастает нехватка работающих, однако она не столь значительна,

как заявляют фирмы, многие из которых привыкли, что о рабочей силе не надо особенно хлопотать, — пишет в «Жечпосполитой» Рафал Бенецкий, главный экономист Силезского банка, относящегося к нидерландской «ИНГ груп». В банках отмечают, что граница нехватки работников подвижна: по оценке, предприятия будут в состоянии увеличить занятость в соответствии с потребностью, но в некоторых отраслях промышленности и услуг это потребует увеличения оплаты труда в темпе 10% в год в течение ряда лет. Работодатели, которые хотят задействовать потенциальные трудовые ресурсы, должны анализировать причины профессиональной пассивности в регионе. Привлечение работников будет все в большей мере требовать, в частности, создания на предприятиях яслей и детских садов, а также организации патроната над престарелыми.

В фирмах, производящих разного рода транспортное оборудование, оплата труда возросла в прошлом году на 6,5%, сообщает «Жечпосполита». У отрасли хорошие перспективы, поскольку локальные перевозчики переходят на закупку экологических транспортных средств, поэтому можно рассчитывать на высокий уровень продаж. Проблема, однако, в том, что росту заработной платы не сопутствует аналогичная динамика производительности труда (реально она возросла на неполных 3%). Значительно быстрее, чем производительность, растут заработки также в фирмах, производящих одежду, электрооборудование, топливо. «Жечпосполита» проанализировала, как выглядят доходы фирм в пересчете на одного работника. Оказывается, что в розничной торговле они возросли лишь на 3%, тогда как затраты на оплату труда — на 6,4%. Причиной такой диспропорции может быть растущее давление в сфере зарплат. Нехватка трудовых ресурсов требует роста заработка. Предприятия, нуждающиеся в персонале, должны, из-за ограниченности предложения рабочих рук на рынке труда, платить больше. Однако, как солидарно полагают эксперты, пока «ножницы» между ростом заработной платы и производительностью не опасны. Лучший способ повысить производительность труда — соответствующие капиталовложения. Это, безусловно, должны быть инвестиции в современную технику и оборудование, в новые технологии, в автоматизацию, поскольку лишь таким образом можно поднять производительность.

В минувшем году период празднования Рождества был чрезвычайно удачным для торговли. Только в последний уикенд года в обследованных ста торговых центрах побывало почти 4 млн человек, то есть почти на 10% больше, чем в предшествовавшем году. Обследование показало, что около 90% клиентов принимают участие в сезонных распродажах, а почти половина покупателей откладывает приобретения до начала периода акций и распродаж. Ежегодно возрастает перемещение покупателей в сектор интернет-торговли. Воздействие интернета видно и на традиционных продажах. Однако в течение трех недель предрождественской лихорадки число посещений в ста обследованных торговых центрах не изменилось, так что интернет отобрал у традиционных магазинов не так уж много покупателей. Удивляет весьма слабый результат больших и очень больших торговых центров (площадью свыше 40 тыс. кв. м), хотя так называемая «проходимость» наиболее крупных центров по-прежнему на 40% больше, чем на объектах средней величины. Зато прекрасные итоги у небольших торговых объектов, площадью 5–10 тыс. кв. м — их посетило на 13% больше клиентов, чем годом ранее.

Россияне добиваются от Польши большего числа разрешений на проезд грузовиков. Сами, однако, блокируют польских перевозчиков. Польские водители жалуются, что их машины задерживаются полицией, с водителей требуют денег (обычно 100 евро за проезд). Российские службы прибегают к долгим кропотливым проверкам скоропортящихся товаров, например, цветов. Часто такие проверки начинаются в пятницу днем и длятся до понедельника. Вместе с тем рынок перевозчиков в Россию быстро развивается. Растут также российские запросы на перевозки. «Мы не приемлем ограничения доступа к рынку международных перевозок для польских предпринимателей», — заявляет ведомство инфраструктуры в релизе для газеты «Жечпосполита». В неофициальных беседах россияне признаются, что хотели бы закрыть российско-белорусские переходы для международного движения и направить его исключительно через границы с балтийскими странами. Это значительно увеличило бы издержки польских перевозчиков.

Е.Р.

2: Поляки — историческая нация

— С 2004 года прошло немало времени. Тогда лозунг «Выберем будущее» «Выберем будущее» — лозунг А. Квасьневского в президентской избирательной кампании 1995 года. казался вполне актуальным. Что — с вашей точки зрения — изменилось за эти почти 15 лет?

— Первое, что удалось, и это следует подчеркнуть, это то, что сегодня дискурс о прошлом стал полноправной формой разговора о современности. В Европе такое совсем не редкость, начиная с позиций, которые направлены на исключение ошибок, совершённых нами когда-то, и заканчивая восхвалением прошлого. Помню, как весной 2004 года, во время одной из конференций, еще до открытия музея, Владислав Бартошевский¹ Владислав

Бартошевский (1922–2015) — польский историк, публицист, дипломат, министр иностранных дел Польши. задал провокационный вопрос, можно ли с наследием Варшавского восстания войти в Европейский союз, и сам себе ответил на этот вопрос положительно. Сегодня вопрос, можно ли войти в Европейский союз с наследием Январского восстания 1863 г., Варшавского восстания 1944 г. или «Солидарности», уже не вызывает удивления. Второе, что удалось выработать, это полифоничность дискуссий. Говоря о польской истории, мы можем обращаться к различным направлениям и моделям. Третье, что появилось — это явное общественное согласие по поводу того, что ключевым для понимания Польши является не средневековье, не судьбы барской конфедерации^{Барская конфедерация — объединение шляхты, созданное в 1768 году в крепости Бар для защиты самостоятельности Польско-литовской Речи Посполитой.}, а XX век, то есть противостояние Польши и ее позиционирование по отношению к двум тоталитаризмам.

— *Вопрос, заданный Владиславом Бартошевским, мог бы показаться интересным в контексте House of European History*^{Дом европейской истории (англ.).}. Этой брюссельской выставке недавно уделил много внимания воскресный выпуск газеты «Жечпосполита», добавив не менее провокационно: «Победит ли немецкий взгляд на историю?». В связи с этим может вновь встать вопрос о том, получится ли рассказать историю «польского XX века», соблюдая при этом национальные интересы, но не заостряя отношений с соседями?

— Начну с рассказа об одном из аспектов нашей деятельности — мы как музей исследуем Вольскую резню^{Вольская резня — массовое убийство нацистами мирного польского населения варшавского района Воля во время Варшавского восстания в августе 1944 года.}, и оказывается, что это преступление замалчивалось при ПНР. Потери гражданских лиц до сих пор не изучены. Надеюсь, что действующий с недавних пор Центр исследования тоталитаризмов им. Витольда Пилецкого окажется полезным в этом изучении. После десяти лет работы мы идентифицировали меньше половины убитых гражданских лиц. Конечно, если бы это делалось сразу после войны, ситуация выглядела бы иначе. Я не верю, что в этом вопросе произойдет какой-то перелом. Мы должны сами рассказать эту историю. От ПНР мы унаследовали немного знаний и немного стереотипов, и наша цель — привести этот багаж в порядок. Мы должны чтить память своих погибших. Ответ на вопрос, не мешает ли объединению поиск имен тех, кого Третий рейх стер с лица земли, звучит: нет. Мы как поляки — историческая нация. Мы многое берем от Второй мировой войны, от «Солидарности», от мечты об общности, которую строил папа Иоанн Павел II. Современные немцы — постисторическая нация. Я понимаю, что нынешним внукам палачей уже надоело расплачиваться по долгам своих дедов. Ведь это не нынешнее поколение людей в возрасте 30-40 лет голосовало за Гитлера. Это видно из того, как была подготовлена выставка в Немецком историческом музее. Она показывает, что немцам уже хотелось бы оставить это позади. Выставка посвящена историческим процессам и осуждению ненависти как таковой. Современная Германия наряду с США — один из наших важнейших партнеров, а в Европейском Союзе вообще главный. Наши экономики срослись друг с другом. Это обязывает к пониманию взаимных различий. Раз Германия уважает историчность и самосознание Израиля, то должна уважать это и в нас. Понять, что мы всё еще оплакиваем тех, кого отняли у нас их деды. Для примера, армяне переживали свою травму на несколько десятилетий дольше. И на этом они строят свое общение с другими странами.

— Вы упомянули, что мы всё еще оплакиваем погибших. За последние годы наиболее интересные исторические книги, которые были изданы, касались проблем идентичности поляков — иных травм, нежели те, что первыми приходят нам на ум. Нужна ли в Польше история отдельных социальных групп или даже — не побоюсь этого слова — классов?

— Все мы ведем свой род от крестьян, но мир описываем языком мелкой шляхты. Когда гражданину или журналисту нужно описать то, что видит, он обращается к Петру Скарге^{Петр Скарга (1536–1612) — католический теолог, писатель, деятель контрреформации в Речи Посполитой, первый ректор Виленского университета.}. — гипербола является самым частым стилистическим средством. Это приводит к брутализации общественной дискуссии, но она, к счастью, не выходит за пределы вербальной сферы. Конфедерация — наша любимая форма политической активности. В этом контексте чудом была «Солидарность», которая восприняла только положительные стороны конфедерации и отвергла плохие.

— «Солидарность» вмещает в себя всё. Для американских консерваторов она будет результатом сотрудничества Рейгана с папой Римским, другие увидят в ней — так же как вы — шляхетскую конфедерацию, а я помню, что где-то читал даже об аналогии между первым съездом делегатов «Солидарности» и афинским холмом Пникс^{Пникс — холм в центре Афин, расположенный недалеко от Акрополя. Начиная с 507 г. до н. э. там проходили собрания первого в истории человечества демократического органа власти — афинские экклесии.}.

— Да, но, вне зависимости от того, какое понимание признать наиболее точным, все мы гордимся, поскольку «Солидарность» удалась. Для меня это опыт поколения. Я помню выступление Валенсы в 1988 году, увиденное на экране маленького черно-белого телевизора. Во время дискуссии с главой официальных профсоюзов Альфредом Мёдовичем он один выступал против всей пропагандистской машины ПНР. У меня было впечатление, что я смотрю вестерн. Валенса немного обращался к телезрителям, немного к власти, не придавая особого значения собеседнику.

— В нем тоже говорил шляхтич?

— У него всегда были черты нескольких воплощений поляков. Немного король, немного шляхтич, немного представитель народа. Хитрый крестьянин, который одурачил чёрта.

— Тиль Уленшпигель...

— Но еще и Храбрый портняжка. Я сослался на «Солидарность», потому что это опыт, который полностью сложился у моего поколения. У каждого было ощущение, что он в этом участвовал. Нашлось место и для тех, кто считает, что «дух святой изменил облик земли», и для тех, кто черпает из других политических традиций.

— Таким образом, мы говорим как об опыте «Солидарности», так и о Варшавском восстании, а оба эти события сходятся в тексте Марии Янион^{Мария Янион — польский ученый, критик, теоретик литературы.} о трех волнах польского романтизма и «романтической парадигме». Сегодня кажется, что смоленская катастрофа открывает новую романтическую колоду карт. Волей-неволей подвергаются пауперизации символы, которыми мы пользуемся. У вас нет ощущения, что символ Борющейся Польши^{Символ Борющейся Польши — знак в виде якоря с буквой P, символизовавший во время нацистской оккупации надежду на обретение независимости Польши.}, прикрепленный к лацкану вашего пиджака, становится сегодня оружием для различных, порой взаимно антагонистических групп?

— Похожий пример — флаг. Когда, несколько лет тому назад, молодежь боролась против «закрытия интернета», то есть АСТА^{АСТА — английская аббревиатура для Международного соглашения по борьбе с контрафактной продукцией, согласно которому будет установлен строгий контроль за соблюдением авторского права в Интернете.}, она использовала и бело-красные флаги, и символы Борющейся Польши, поскольку эти символы были понятны для нее. Знак Борющейся Польши стал символом справедливого сопротивления, а то, что иногда кто-то им злоупотребляет, это для открытого общества нормально.

— Фанатские группировки?

— Каждый видит, кто пользуется этим знаком. Тот факт, что столько людей его использует, доказывает его жизненность. Этот символ несет с собой конкретную информацию. Дискуссия, вытекающая из того, что одни злоупотребляют им, а другим не хочется, чтобы у них его отняли, это нормальная вещь. Мы хотим информировать о содержаниях и ценностях, которые несет с собой этот знак. Мы занимаемся не педагогикой, а образованием. Когда мы видим на автомобиле знак рыбы^{Стилизованное изображение рыбы как древнего христианского символа нередко можно увидеть на багажниках автомобилей.}, то ожидаем, что водитель будет вести себя в соответствии с ценностями, под которыми подписывается, не подрежет, не покажет оскорбительный жест. То же самое с символом Борющейся Польши, это не только символ борьбы, это символ определенной позиции.

— В последние несколько дней я был на фестивале «Непокорные, Несокрушимые, Проклятые»^{«Непокорные, Несокрушимые, Проклятые» - фестиваль документальных фильмов, посвященных новейшей истории Польши.} в Гдыне, и там символ Борющейся Польши использовался на каждом шагу. Оставляя в стороне вопрос достоверности представления сложной и многосюжетной истории «проклятых солдат»^{«Проклятыми солдатами» в Польше принято называть участников антисоветского и антикоммунистического подполья, действовавшего в Польше во второй половине сороковых и в пятидесятые годы XX века.}, не опасаетесь ли вы, что культ борьбы после 1945 года вытеснит на второй план феномен Польского подпольного государства^{Польское подпольное государство — совокупность подпольных военных, политических и гражданских организаций, существовавших на территории оккупированной немцами Польши в годы Второй мировой войны.}?

— Проблема «проклятых солдат» — интересная тема для дискуссии. Для части «проклятых солдат» уйти в лес было просто выбором смерти по своим правилам. В этом году у нас в музее будет наибольшее число посетителей с 2004 года. Конечно, это еще и результат визита Дональда Трампа, который в своей речи упомянул о боях в ходе Восстания, и британского принца с супругой, имеющих статус знаменитостей. Важен момент, когда гражданин может выбирать традицию, которой он следует. Это различные модели. Мы, например, ежегодно вручаем премию Яна Родовича «Анода»^{Ян Родович (подпольная кличка «Анод», 1923–1949) — солдат польского сопротивления, участник Варшавского восстания, погиб в застенках польского Министерства общественной безопасности.}, показывая, что этос Польского подпольного государства состоял еще и в формировании общества в ситуации угрозы. Фестиваль, о котором Вы упомянули, я рассматриваю как предложение. Последними говорить будут факты.

— Не соглашусь с этим. Последним будет говорить более или менее brutalный нарратив, который возобладает.

— Пусть так, но если этот нарратив будет сделан неудачно, то люди не будут ходить на плохие фильмы, читать плохие комиксы и т.д. Я имею в виду плохие в художественном смысле.

— Не знаю. Польские вкусы очень сильно меняются. Когда-то человек стеснялся смотреть на что-то стыдное, а сегодня это бывает причиной гордости. Достаточно взглянуть на нынешние кассовые сборы польских кинотеатров. Еще вопрос, не равняется ли популяризация пауперизации.

— Знания всячески упрощаются. Мы издаем комиксы, но с надеждой, лишь бы заинтересовать читателя. Одновременно издаем монографии и ведем образовательную деятельность. Одно дело привлечь внимание, а другое — получить достоверные знания. Одна форма никогда не заменит другой.

3: Призраки прошлого (украинская точка зрения)

— *Споры вокруг фильма «Волынь» Войцеха Смажовского не утихают до сих пор. А как была встречена картина в кругах украинских историков?*

— То, что произошло на Волыни в 1943 г., было большой трагедией. Поэтому об этих событиях надо говорить открыто и серьезно, соблюдая осторожность и избегая резких высказываний. У нас до сих пор нет четкой картины того, что произошло. Мне как историку известно, настолько сильно эмоции мешают узнавать правду о какой бы то ни было трагедии. До сих пор мы воссоздавали картину того, что имело место на Волыни и в Галиции в 1943-1945 гг., опираясь на субъективные переживания, сохранившиеся в воспоминаниях. Сегодня оружием общественно-политического спора между Польшей и Украиной стал художественный фильм, который не столько занимает место достоверного повествования об этой трагедии, сколько подменяет истинную дискуссию и исторические документы. Этот фильм вызывает к жизни призраки прошлого.

— *Несколько лет назад Леонид Зашильняк, историк, профессор Львовского университета им. Ивана Франко, сказал: «Мы, украинские историки, не можем отрицать этой антипольской акции, она подтверждена документами и тысячами жертв. Мы должны эти действия критически осмыслить, принять и признать антигуманными, независимо от того, как мы будем их называть — чистками или геноцидом».*

— Такова позиция авторитетных научных кругов. Однако ни в польском, ни в украинском обществе не хватает духа честно прояснить сомнения и узнать всю правду об этой трагедии. Здесь надо сразу оговориться — прояснить насколько, насколько это еще возможно. Это касается и части политических элит наших государств, которые создают на этом свой капитал и формируют электорат. Когда заходит речь о польско-украинских отношениях, то внимание значительной части политиков, начиная от крайне правых националистов и заканчивая коммунистами, сосредоточено на том, чтобы сеять всё новые сомнения и подозрения, подпитывать взаимную вражду и неприязнь. Это служит разделению обоих народов, и в конечном счете должно поставить между ними барьер, уничтожить все то, что достигнуто сегодня на пути к примирению, ниспровергнуть огромное интеллектуальное наследие парижской «Культуры» и Ежи Гедройца. Это «плохие друзья» из мира политики, которые весьма ловко манипулируют фактами и ведут недобрую работу в чужих интересах, в чем, впрочем, порой официально признаются.

— *Как это понимать, что если мы говорим о роли церкви, нельзя ставить знака равенства между тем, что произошло на Волыни, и тем, что имело место в Галиции?*

— Одни и те же понятия по обеим сторонам границы часто обозначают совершенно разные вещи. Поляки, говоря об украинской церкви, приписывают ей роль и позицию римско-католического костела в Польше, и ввиду сходства литургии смешивают православную и греко-католическую (или униатскую) церковь. Надо четко обозначить, что когда мы говорим о греко-католической церкви, то имеем в виду Галицию. Митрополит Андрей Шептицкий в двадцатые-тридцатые годы XX века осуждал террористическую деятельность, ведущуюся украинским подпольем, а позже Организацией украинских националистов (ОУН). В 1939 году он совершает попытку предупредить антипольские действия, он открыто выступает в защиту евреев, требует прекратить кровопролитие, о чем свидетельствуют его пастырские письма 1942 г. («Не убей») и 1943 г. («Послание к духовенству и верующим греко-католического львовского архиепископства»), а также «Мир о Господи (Об убийстве священников)» в связи с убийствами представителей духовенства. Письма эти были прочитаны в греко-католических храмах. Если ОУН не решилась уничтожить митрополита Шептицкого, то исключительно из опасения перед реакцией верующих. Если бы мы и могли его в чем-то упрекнуть, то скорее в молчаливом одобрении формирования регулярных украинских отрядов под крылом у немцев. Он считал, что гораздо большее зло представляет собой коммунизм, это мнение (особенно на последней стадии войны) разделяли также и лидеры Польского подпольного государства. Следует, однако, признать, что тем не менее Андрей Шептицкий не поддавался давлению и не подписал письмо к украинской молодежи с призывом вступать в ряды 14 Гренадерской дивизии СС.

— *А как ситуация выглядела на Волыни?*

— Здесь мы имеем дело с совершенно иной действительностью. В соответствии с конвенцией с 1925 года греко-католическая церковь не имела на Волыни приходских структур, можно сказать, что ее там не было. Римско-католическая церковь была слабой, она лишь заявляла о себе и усиливала свое влияние, борясь с православной церковью, духовенство которой имело в основном русские корни. Луцкий воевода Генрик Юзевский в рамках так называемого «волынского эксперимента» пытался не только провести «быструю» украинизацию местной православной церкви (что не сделало его популярным среди православных священников), но и расправиться с националистическими движениями. Деятельность значительной части украинских просветительских и

кооперативных организаций была запрещена. Кампания по уничтожению церквей и замены их католическими костелами, проведенная в 1938 году с участием армии (после отставки Юзевского), вызвала бурные протесты и враждебные настроения среди украинского населения Волыни, которое на 70% оставалось православным. Надо добавить, что, хотя поляки (около 17%) и евреи (около 10%) составляли меньшинство на Волыни, они все же играли доминирующую роль в общественной жизни. Во времена Второй Речи Посполитой ни один украинец не стал даже войтом — старостой в городах Польско-литовского государства, в задачи которого входило управление городской собственностью и выполнение судебных функций, осуществляемых с помощью главы присяжных — Примеч. пер. Это тоже формировало определенные настроения в обществе. Однако, что важно и что иногда ускользает от участников дискуссии, мы должны очень последовательно разделять две Церкви с разной национальной и духовной традицией, которые часто в обиходном представлении в Польше не различаются.

— Усиливающиеся в украинском обществе националистические настроения и апологетика в адрес Украинской повстанческой армии (УПА) не способствуют созданию атмосферы примирения... То, что из предводителей УПА делают героев, в Польше вызывает возмущение.

— Убийством поляков не исчерпываются все события, связанные со Второй мировой войной: украинцы боролись главным образом против НКВД. Эта борьба продолжалась почти до конца 1950-х годов. Членов УПА в украинском обществе воспринимали так же, как когда-то в Польше воспринимали сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года. Сегодня для большинства украинцев УПА — это символ борьбы с коммунизмом. За свое сопротивление они заплатили огромную цену: в результате кампании НКВД были убиты почти сто шестьдесят тысяч солдат украинского подполья, а арестовано и вывезено в Сибирь почти полмиллиона украинцев. Сегодня полякам трудно разглядеть за антипольской кампанией эту антикоммунистическую деятельность.

— Не является ли это попыткой отодвинуть резню на Волыни и в Восточной Галиции на дальний план?

— Нет. Я бы не хотел, чтобы это расценивалось таким образом. В сражениях Первой мировой войны методично и далеко не гуманным способом было убито восемь с половиной миллионов солдат, и всё же примирение оказалось возможным. Осуарий Дуамон — башня-мавзолей, где погребены останки более ста тридцати тысяч тел французских и немецких солдат, погибших в сражении при Вердене, личность и национальность которых не удалось установить, — является одним из символов этого примирения. Примеров из Второй мировой войны я не хочу приводить, они известны всем. Я верю, что примирение между поляками и украинцами возможно. Но для его поддержания необходимы желание и напряженная работа. Прежде всего, на мой взгляд, предстоит найти общий язык представителям костела и церкви, именно они должны наметить общий путь, поскольку лучше разбираются в этом, обладают большим запасом богословского знания и имеют моральное право предлагать способы примирения. Ведь канон христианских ценностей для верующих Запада и Востока на протяжении многих столетий был одним и тем же.

— Ты представитель той части украинского общества, которое упорно стремится к примирению.

— В августе 1991 года в Харькове я должен был получить из типографии свою книгу «Украина и Польша между прошлым и будущим». Это было собрание исторических документов и статей, касающихся конфликта. Там среди прочего была статья Тадеуша А. Ольшанского об операции «Висла», статья о судьбах греко-католической церкви в послевоенной Польше и, кроме того, о происшествиях на Волыни и в Галиции — в основном тексты украинских эмигрантов или переводы польского «самиздата», которые должны были выйти впервые в Украине. К сожалению, из-за путча Янаева весь тираж (10 тыс. экземпляров) был уничтожен — сохранилось лишь несколько экземпляров в библиотеках. В 2004 году львовский журнал «Ї» опубликовал переведенные мной многочисленные свидетельства жертв Волыни, опубликованные польским центром «Карта». Публикация вызвала шок, протесты, она была «вычеркнута» из общественного сознания. Десять лет спустя, когда вышел очередной номер «Ї», посвященный волынской трагедии, когда вышла по-украински (тоже в моем переводе) книга Гжегожа Мотыки «От волынской резни до операции „Висла“», когда по моему сценарию был снят пятичасовой документальный фильм «Знак несчастья. Драма Волыни 1943», — степень подготовленности общества для восприятия этой темы стала уже другой. Это следующий шаг, который поляки и польские центры на Востоке считают недостаточным, но, как я уже сказал, определенные процессы в украинском обществе, идеологически обработанном в советское время (это касается и поляков), невозможно ускорить.

— Ты украинец. Но ты мог появиться на свет в Германии и быть немцем или родиться в Польше и стать поляком...

— Всё из перечисленного было весьма вероятно. Мой отец родился в Польше, на Лемковщине, в деревне Мыкув. Это была очень любопытная деревня: с ноября 1918 по январь 1919 г. она входила в состав Республики Команча (или Восточно-Лемковской республики). Моих дедушку и бабушку в 1939 году угнали в Баварию на принудительные работы, конец войны они застали в американской оккупационной зоне. Они не обязаны были возвращаться, но их тянуло на родину — в Польшу. От Мыкува осталось лишь пепелище. Говорили, что деревню в рамках реваншной операции сожгла армия, потому что отсюда была родом жена «Ореста» — командира VI Округа «Сан» УПА Мирослава Онишкевича. Жителей деревни вывезли в СССР, используя в качестве предлога

государственные договоры о принудительной депортации украинского населения. Это был принцип коллективной ответственности: провинился один — казнили всех. Растаяла мечта о возвращении, которой жили мои дедушка и бабушка в Германии, им не было места в Польше. Их арестовали и выслали на Восток.

— **Коммунисты лишили их иллюзий. Они не жалели, что вернулись?**

— Время коммунистов еще только наступало. Они уезжали из Польши с чувством несправедливости, с клеймом «чужих». В этом массовом исходе принимал участие их семилетний сын Степан, мой отец. Они поселились в деревушке Твиржа между Мостисками и Судовой Вишней; дед считал, что, когда после войны всё уляжется, он сможет вернуться. Он не хотел работать в колхозе, а в СССР работать должен был каждый гражданин, и он устроился на кирпичный завод. Каждый день он проезжал на велосипеде сорок километров туда и сорок обратно. Окончательно от мечты вернуться в Польшу он отказался лишь в семидесятые годы — тогда он переехал в Золочев к дочери. Для Львова пятидесятые годы были периодом расцвета промышленности. Подобно Новой-Хуте и Кракову, Львов хотели сделать городом пролетарским за счет стекающих сюда крестьян-рабочих, создать новую социалистическую культуру. Научный и культурный центр, каким был этот город во времена Второй Речи Посполитой, пытались превратить в промышленный центр. Создавались фабрики-молохи. Почти весь спрос на автобусы в Советском Союзе (в том числе и автобус, в котором Гагарин ехал на стартовую площадку перед полетом в космос) покрывало предприятие «ЛАЗ» («Львовский автобусный завод»), примерно то же было с кинескопами для телевизоров, средствами связи для армии, микросхемами, полупроводниками, измерительными приборами... Начали даже производить танки и тяжелую военную технику.

— **Приближалось твое время. Когда и где ты появился на свет?**

— Для начала должны были познакомиться мои родители. Они учились в одном классе в ветеринарном техникуме в Судовой Вишне (этот техникум существует по сей день). Моя мама Йосипа (женский вариант имени Йосип, по-польски Юзефина) стала медсестрой. Отец в 1960 году начал работать на заводе телевизионных кинескопов. Он был греко-католиком, мать — католичкой, но в советские времена костел в Судовой Вишне был закрыт, и они ходили в православную церковь. Позже, уже в свободной Украине, они вернулись в католицизм восточного обряда. Это тоже особенность того времени: религиозное разделение имело значение для людей образованных и осознающих разницу, простым же людям нужен был только Бог. Но вернемся к теме... Я родился во Львове в 1964 году. Я украинец. В качестве доказательства того, сколь сложными были этнические отношения приграничья, и как трудно провести отчетливое разделение, приведу тот факт, что старшая сестра моей мамы объявила, что она полька: ее угнали в концлагерь, после войны она попала в Австралию и стала там активной участницей полонийного движения.

— **Как ты вспоминаешь школьные годы?**

— Школы во Львове в большинстве своем были русские. Лишь наплыв деревенского населения в пятидесятые годы, в пик промышленного «расцвета», вызвал десять лет спустя спрос на школы с языком этого большинства — украинским. Было введено деление на районы, но были и исключения: территориально самая близкая к нам школа № 28 была школой элитарной, с немецким языком преподавания, и меня отдали в украинскую школу № 27 на улице Институтской (до войны здесь размещался Институт подготовки педагогических кадров, ныне это улица Иллариона Свентицкого). Рядом находилась Академия изящных искусств (до войны это была Высшая промышленная школа), а на холме — в здании довоенной гимназии № 7, описанной в эссе Збигнева Херберта «Урок латыни» — размещалась школа № 14 (тоже элитарная, как и 28-я школа, но с французским языком преподавания). Русский язык я изучал со второго класса, дома на нем не говорили. Тогда выкристаллизовалась моя идентичность: я стал «негром» (так русские насмешливо звали местное население), а моей черной кожей стал украинский язык. Школу я окончил с отличием.

— **И тут дала знать о себе твоя страсть к новейшей истории...**

— Мой интерес к истории обнаружился гораздо раньше. Еще в школе я был членом Малой Академии Наук, где под руководством опытных ученых мы могли развивать свои интересы. Благодаря Академии у меня был доступ к собранию Государственного архива и львовским библиотекам. Магистерскую работу на историческом факультете Львовского университета я писал на тему «Польско-немецкие отношения перед Второй мировой войной». Ученые настолько сильно подвергались идеологической пропаганде, что, невзирая на факты, они ставили под сомнение даже существование секретного дополнительного протокола к пакту Риббентропа-Молотова, считая его американской фальшивкой (к примеру, так считал бывший посол СССР в Польше проф. Владимир Чугаев, мой вузовский преподаватель). Но как бы мы не оценивали советскую систему образования, университет стал для меня серьезной подготовкой и научил важной для историка вещи — умению интерпретировать источники.

— **Первые четыре года ты работал в школе учителем истории, однако ты хотел большего...**

— Дело не столько в том, чего я хотел, сколько в сознании необходимости наверстать упущенное, устранить пробелы в фальсифицируемой коммунистами новейшей истории Украины. Я включался в разные образовательные проекты. Одним таким проектом было издание написанной еще до войны и опубликованной за рубежом «Истории Украины» Ивана Крипьякевича. Напечатанная в 1990 году тиражом 140 000 экземпляров, книга разошлась за две недели. Был также проект издания первого украинского словаря «Универсальный словарь-энциклопедия» совместно с Польским научным издательством «ПВН» (1999) и работа в журнале „І”

(2002), а затем во «Львовской газете».

— **Ты был также одним из инициаторов ярмарки книги «Форум издателей во Львове».**

— В 1994 году я разрабатывал концепцию ярмарки, опираясь на польский, венгерский, российский опыт... Я был также два срока депутатом Львовского городского совета (заместителем председателя комиссии по делам архитектуры и градостроительства), сотрудничал с Правозащитным центром «Мемориал» по вопросу документирования советских преступлений на Украине, руководил львовским, а затем национальным отделением Международной амнистии^{Международная амнистия (англ. Amnesty International) — международная неправительственная правозащитная организация, основанная в 1961 году в Великобритании.} — Примеч. пер. Я готовил еженедельную программу на польском языке о культурной жизни Львова (5-я программа «Польского радио») и программу «Политические шахматы» для регионального телевидения, которую дважды снимали с эфира по цензурным соображениям...

— **Ты добивался также реконструкции и открытия Кладбища польских орлят во Львове.**

— Для нас было важно открыть Польское военное кладбище во Львове (я предпочитаю это универсальное и менее пропитанное идеологией название). За отправную точку нашей концепции мы приняли состояние кладбища на 1939 год, с учетом более поздних разрушений, чем настроили против себя обе стороны — и польскую, и украинскую. С польской стороны переговоры вел ныне покойный Анджей Пшевозник, генеральный секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества, который стремился реконструировать кладбище, взяв за основу первоначальный не реализованный до войны проект 1925 года. Конечно, он был прав, когда говорил об эксгумации и расширении кладбища до первоначальных размеров, поскольку через его восточную — наиболее значительную — часть во времена СССР была проложена дорога. Но Городская рада не дала согласие на расширение границ. В этом вопросе удалось прийти к согласию. Выработали также договоренность по вопросу реконструкции надгробных памятников: сохраняя военный характер кладбища, пришли к согласию, что надгробья должны быть одинаковыми, хотя до войны в этом плане царила неоднородность. Конфликт, возникший из-за реконструкции памятников американским летчикам и французским пехотинцам, тоже удалось уладить. Дальнейшие споры шли о том, где будет вход на кладбище (было решено, что он будет со стороны Лычаковского кладбища), а самые горячие дискуссии касались надписей на могиле Пятерых неизвестных солдат из Персенковки. И здесь удалось прийти к компромиссу. Надпись «Неизвестным героям, павшим в обороне Львова и Юго-Восточных Земель» после долгих споров заменили текстом с Могилы Неизвестного Солдата в Варшаве: «Здесь лежит польский солдат, павший за Отчизну». Официальное открытие кладбища состоялось 24 июня 2005 года с участием президента Польши Александра Квасневского и главы Украины Виктора Ющенко. Мало кто знает, что согласие на это Городская рада дала под давлением профессоров Украинского католического университета во Львове, которых убедил высказаться по вопросу кладбища Яцек Куронь.

— **Мы не сказали о самом главном: ты являешься самым заслуженным переводчиком польской прозы и эссеистики. Когда ты в первый раз столкнулся с польским языком?**

— Мне было двенадцать лет, когда у соседей на книжной полке я увидел странную книгу на неизвестном мне языке — «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Первой польской книгой, которую я купил на свои сэкономленные деньги, были «Рассказы о пилоте Пирксе» Станислава Лема. Рассказ «Условный рефлекс» из этой книги до сих пор остается моим любимым. В шестнадцать лет я понял, что польский язык будет мне необходим для работы с документами, связанными с историей межвоенного Львова. Позже я переводил тексты «самиздата», готовил польские материалы для украинской прессы, сотрудничал с польскими организациями и издательствами, был синхронным переводчиком во время взаимных визитов. Я ставил перед собой высокие цели: первым художественным произведением, которое я перевел с польского, были «Непричесанные мысли» Станислава Ежи Леца. Эта книга вышла в киевском издательстве «Дух и литера» в 2006 году. Перевод афоризмов с одного языка на другой — это всегда вызов для переводчика ввиду лаконичности формы и трудных для передачи языковых игр.

— **Ты, наверное, единственный переводчик польского, осужденный «за незнание польского языка»?**

— Это звучит как анекдот, но это действительно так. Уже в конце президентства Леонида Кучмы я поместил во «Львовской газете» перевод текста из газеты «Жечпосполита» о предвыборных настроениях. Там среди прочего сообщалось о скандале в американском стиле в одном из львовских ресторанов, который закончился стрельбой по бутылкам. Героем этой истории был генерал таможенной службы, тридцатилетний Тарас Козак, имевший связи (о чем все говорили) с контрабандистами и криминальными кругами. Существовало правило, что ответственность за публикуемые тексты несет автор, за исключением случаев, когда статья была перепечатана с другого издания. Такого шанса я упустить не мог и перевел статью. Адвокаты генерала пошли с этим в суд. Их обвинение касалось, однако, не перестрелки, а якобы ошибки в переводе. Дело в том, что слово «lokal» я перевел как «ресторан», а нужно было (и это подтвердила их эксперт, выпускница полонистики Люблинского католического университета) передать его словом «помещение». Суд не стал слушать моих объяснений и вынес вердикт: я должен был опубликовать в газете публичное извинение (появилась возможность снова напечатать эту статью, только на этот раз с извинениями) и уплатить 1 гривну компенсации.

— В 2015 году ты получил награду ПЕН-клуба (несмотря на приговор украинского суда) за выдающиеся достижения в области перевода польской литературы. А несколькими месяцами ранее президент Польши наградил тебя Золотым Крестом Заслуги.

— Это для меня большая честь. Тем более что это было в юбилейный для польского ПЕН-клуба год, в его девяностолетие. Это, разумеется, знак глубокого уважения наших польских друзей к товарищам по профессии — украинским переводчикам. В истории этой награды после Максима Рыльского (он перевел на украинский язык «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича) я стал вторым украинцем, который был награжден за переводческую деятельность. Особую ценность этой награде придает тот факт, что в 1974 году ее получил (тоже за переводы) запрещенный тогда в Польше Чеслав Милош. В его случае обоснование награды звучало так: «За выдающиеся достижения в области перевода польской поэзии на английский язык».

Андрій Павлышин (р. 1964) — украинский эссеист, журналист, переводчик, член украинского ПЕН-клуба, историк, научный сотрудник Украинского католического университета во Львове. Известен переводами на украинский язык произведений Станислава Ежи Леца («Непричесанные мысли», 2006), Збигнева Херберта («Варвар в саду», «Натюрморт с удилами», «Лабиринт у моря», 2008), Адама Михника («В поисках свободы», 2009), Ежи Фицовского («Регионы великой ереси и окрестности», 2010), Чеслава Милоша («Сборник эссе», 2011), Яцека Куроня («Об Украине и украинских вопросах», 2012), Хенрика Гринберга («Дрогобич, Дрогобич и другие истории», 2012), Бруно Шульца («Книга писем», 2012), Иоанны Ольчак-Роникер («Корчак. Опыт биографии», 2012), Александра Фредро («Три по три», 2013), Адама Михника, Юзефа Тишнера, Яцека Жаковского («Меж Богом и настоящим», 2013), Зигмунта Хаупта («Избранные произведения», 2014), Тадеуша Доленги-Мостовича («Карьера Никодима Дызмы», 2015), Юзефа Лободовского («Против призраков прошлого», 2016).

4: Японский деятель «Солидарности»

Шел май или июнь 1977 либо 1978 года. Начало деятельности Комитета защиты рабочих (КОР), оппозиционной организации, созданной после т.н. Июня-76^{В июне 1976 года в Польше прошла волна забастовок и протестов после объявления правительством ПНР резкого повышения цен. Крупнейшие забастовки произошли в Радоме и Урсусе — Здесь и далее примеч. пер.}, главной целью которой была защита участников протестов в Радоме и Урсусе, репрессированных коммунистическими властями ПНР.

Комитет защиты рабочих насчитывал несколько десятков человек, известных по именам и фамилиям и подававших свои адреса в официальных сообщениях, публиковавшихся в подпольной прессе. Помимо них существовала целая инфраструктура из людей, вовлеченных в деятельность Комитета защиты рабочих, иногда известных, чаще — неизвестных. Одними из таких людей были мой университетский товарищ Марек Карпинский и подруга, Катажина Денишук, пригласившие меня к себе на свадьбу в построенную из лиственницы усадьбу в варшавском районе Чернякув, остатки прекрасного прошлого семейства Карпинских. Прием проходил снаружи и был, наверняка, похож на все торжества такого рода, но всё-таки сохранился в моей памяти. Не только потому, что это была столь многочисленная встреча людей, вовлеченных в оппозиционную деятельность. Прежде всего, из-за одного японца, с которым я тогда познакомился, и обстоятельств, в которых это произошло.

Итак, в какой-то момент я заметил на горизонтальной ветви могучего дерева, примерно в двух метрах над землей, нескольких молодых людей, пивших из бутылки, то есть «из горла» то, что обычно пьют при таких обстоятельствах. Меня это заинтересовало, и я спросил, могу ли я к ним присоединиться. Гости наверху не возражали, так что я уселся рядом с ними, а точнее рядом с одним, который не слишком походил на поляка. Его звали Ёсиро Умеда, и он, как и вся свадебная компания, был сотрудником Комитета защиты рабочих. Стоит добавить, что Комитет не был массовой организацией, какой потом стала «Солидарность»: вместе с сотрудниками он тогда насчитывал в лучшем случае несколько сотен человек. Тем более удивляло присутствие в этом обществе выходца из столь далекой страны. Удивляло и интриговало.

Немного истории

В 1922 году на польской земле появился необычный японец — Рётю Умеда. Он был буддийским монахом, и его монастырь направил его получать образование в Европу. Во время путешествия в Берлин, где он намеревался учиться, он встретился с поляками, в том числе с польскими офицерами, возвращавшимися с Дальнего Востока. Он подружился с ними, а они уговорили его изменить планы. Рётю Умеда, пробыв в Берлине лишь несколько дней, решил осесть в Варшаве. Говорят, на его решение повлияло зрелище того, как вернувшиеся на родину

поляки целуют землю на границе с Польшей.

Во Второй Речи Посполитой он прожил весь межвоенный период. За это время он установил множество деловых и дружеских контактов в научных и художественных кругах. Его знала почти вся тогдашняя литературная и артистическая богема Варшавы. Он дружил с такими писателями и поэтами, как Константы Ильдефонс Галчинский, Владислав Себыла или Станислав Мария Салинский. Обладая музыкальными способностями, он играл на скрипке, сочинял музыку. Как и все японцы (так считает, например, бывший посол РП в Японии Хенрик Липшиц), он был сентиментален и романтичен. Его не раз запирали в Лазенковском саду^{Лазенки — крупнейший дворцово-парковый комплекс в Варшаве. В Лазенках, в частности, есть памятник Шопену.}, а потом находили, заслышав где-то в кустах рыдающую скрипку. Уроки музыки он брал у лучших, в том числе у скрипача с мировой известностью Павла Коханского и у Стефана Киселевского, известного впоследствии публициста и оппозиционера.

Он учился в Варшавском университете, а вскоре сам стал преподавать там. Именно Умеда был создателем направления японистики в университете, а также сотрудником организованного по инициативе Польши т.н. прометеевского движения, которое должно было содействовать нациям, поработанным Советской Россией — таким как Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, народы Кавказа и Туркестана — в их борьбе за обретение независимости.

Рётю Умеда находился в Польше до самого начала Второй мировой войны, до эвакуации из Варшавы японского посольства в сентябре 1939 года. Всю войну он провел главным образом в Болгарии, где, как свидетельствуют документы болгарских служб безопасности (Болгария тогда была нейтральной, но затем стала союзницей гитлеровского Третьего рейха), шпионил в пользу сражавшейся с Германией Польши и сражавшейся с Германией Англии, а также в пользу своей родины Японии, которая, в свою очередь, была союзницей Германии. В частности, кажется, именно он первым передал японскому правительству информацию о грядущем вступлении СССР в войну с Японией.

Он думал о возвращении в Польшу, однако послевоенная коммунистическая Польша оказалась недоступной для него. Он поселился в Японии, но никогда не разрывал связей с поляками и польской тематикой. Писал исторические и археологические труды о Польше и славянском мире, занимался переводами, в том числе перевел на японский язык роман Генрика Сенкевича «Камо грядеши» и «Оду к молодости» Адама Мицкевича. Поддерживал в письмах контакты с поляками, жившими на родине, что для одного из его друзей, летчика и поэта Станислава Миховского, закончилось трагически. Времена были сталинские: Миховского, обвиненного в шпионаже в пользу Японии, казнили в 1952 году.

В конце пятидесятых Рёту Умеда уговорил своего племянника Кодзи Камодзи приехать в Польшу (известный художник, он приехал в 1958 году) учиться в варшавской Академии изящных искусств. А прежде всего, в своем завещании он пожелал, чтобы один из его сыновей уехал, как бы на замену отцу, на постоянное жительство в Польшу. Умеда умер в декабре 1961 года. Его вдова, Хисаё Умеда (позже Умеда-Кудо), исполнила завещание, хотя японское правительство создавало преграды для отправки своего гражданина в коммунистическую страну. И всё же в 1963 году тринадцатилетний Ёсихо Умеда оказался в Польше. С урной, в которой он вез прах отца, сел на судно до Находки, потом поездом и самолетом добрался до Варшавы. В аэропорту его встретил молодой Марек Котанский, впоследствии создатель первой в ПНР организации по лечению наркоманов («Монар»), сын проф. Веслава Котанского, япониста, одного из учеников Рётю Умеды и создателя варшавской японистики после Второй мировой войны. Потом юный Ёсихо под опекой двоюродного брата Кодзи Камодзи отправился в Лодзь, в семью друзей отца: Стефании и Конрада Яжджевских, приобретя вторую мать и нового отца, а также четверых братьев и сестер.

Портрет

Начало было трудным. Ведь уже на следующий день после приезда в Лодзь молодой японец вместе со своим новым отцом и его студентами отправился на раскопки. А там получил задание — ежедневно выучивать десяток новых слов. Это было нелегко. Как вспоминала одна из его новых сестер, бедный Ёсихо впадал в отчаяние, повторяя: «No future»^{Будущего нет (англ.)}, — однако профессор был непреклонен.

Яжджевские были католической семьей, оппозиционно настроенной к коммунистической действительности. Частыми гостями в доме Яжджевских были, среди прочих, братья Анджей и Бенедикт Чума, а также братья Марек и Стефан Несёловские, участвовавшие в конце 60-х годов прошлого века в деятельности подпольной организации «Рух». Так Ёсихо Умеде пришлось столкнуться с независимой деятельностью. Воспитанный в японском духе уважения к власти, он сначала не понимал того, что поляки не только не любят своих правителей, но смеются над ними и даже критикуют. Однако, благодаря своему чувству справедливости, он и сам пошел по их стопам, когда в 1968 году в школе протестовал против жестокого обращения с бунтовавшими студентами. Это было в лицее в Лодзи. Годом позже Ёсихо Умеда перебрался учиться в Варшаву, где благодаря невесте, будущей жене Агнешке Жулавской, уже серьезно вошел в оппозиционные круги, следствием чего стало затем его участие в КОР и «Солидарности».

Агнешка Жулавская-Умеда явно была «суженой» для Умеды, который по приезде в Лодзь получил комнату, оставшуюся от одной из бабушек. Над предоставленной ему кроватью висел портрет какого-то офицера в мундире. Это был, как потом оказалось, портрет деда Агнешки, Ежи Жулавского, первого польского писателя-фантаста, автора знаменитой трилогии «На серебряной планете», по которой ее двоюродный брат Анджей Жулавский много лет спустя снял одноименный фильм. Портрет написал Эдвард Рыдз-Смиглы, имя которого ничего не говорило молодому японцу. Через годы он узнал, что это один из ближайших сподвижников Юзефа Пилсудского, довоенный маршал, разгромивший Тухачевского в польско-большевистской войне 1920 года, который, между прочим, был еще и... художником.

Через Агнешку, происходившую из известной писательской семьи (ее отец Юлиуш был председателем польского ПЕН-клуба), Ёсиро Умеда связался с кругами оппозиционно настроенной польской интеллигенции, что имело далеко идущие последствия: не только для него, но и для зарождавшейся польской оппозиции (КОР, независимые издательства), а потом и «Солидарности». Жулавские также заразили его любовью к Татрам. Ёсиро Умеда очень быстро превратился в одного из гуралей^{Гуралы — жители горных районов Южной Польши со своеобразной культурой.} и даже стал крупнейшим знатоком гуральских певческих ансамблей. Гуралы называли его Юзеком, и он проводил много времени в Татрах, что способствовало установлению знакомств в оппозиционных кругах, поскольку очень многие польские альпинисты участвовали в независимой деятельности (все собеседники с упоминавшейся в предисловии ветви, вместе с нижеподписавшимся и женихом, принадлежали к Польскому союзу альпинизма).

Черная книга цензуры

Как произошло знакомство с Агнешкой? Здесь большую роль сыграл еще один японский полонофил, в частной жизни отчим Ёсиро Умеды, проф. Юкио Кудо, приехавший в 1967 году вместе с Хисаё Умедой-Кудо, матерью Ёсиро, в Варшаву, где, помимо работы в японском печатном агентстве, вел курс японского языка в Варшавском университете, который посещала будущая жена Ёсиро Умеды. В Польше Профессор Кудо стал свидетелем студенческих мятежей в марте 1968 г. и трагических событий в декабре 1970 г., когда власти ПНР приказали стрелять во взбунтовавшихся рабочих с верфей Гданьска, Гдыни, Щецина и Эльблонга. Материалы, которые он высылал из Польши, а также его контакты не понравились польским властям, поэтому в 1974 году ему пришлось спешно покинуть ПНР.

Однако у отчима Ёсиро сохранился интерес к польским делам и любовь к Польше, а также связи с зарождавшейся оппозицией. Именно Юкио Кудо в изданной в 1977 г. книге «Семь лет в Варшаве» первым в Японии написал о существовавшем тогда менее года Комитете защиты рабочих. Однако прежде всего он был переводчиком польской литературы. Он перевел десятки польских авторов, начиная с Адама Мицкевича и его самого знаменитого произведения, поэмы «Пан Тадеуш», и заканчивая на важнейших писателях XX века, таких как Бруно Шульц, Витольд Гомбрович, Чеслав Милош, Вислава Шимборская или Марек Хласко.

В 1994 году, находясь в Варшаве, Юкио Кудо вспоминал: «Мартовские события оставили во мне неизгладимые следы. Я был свидетелем столкновения студентов с милицией и ормовцами^{ОРМО — Добровольный резерв гражданской милиции — полувоенная организация в ПНР. Активно использовалась против политической оппозиции, для подавления протестных выступлений.} Я как-то вышел из этого без потерь, но убежал от них вместе со студентами. В период мартовских событий я ежедневно посылал корреспонденции в свое агентство. Описывал то, что видел: как поляки выражали своими действиями неодобрение по отношению к коммунистической системе. В декабре 1970 года сожгли партийные комитеты в Гданьске и Щецине. Я был там и видел всё своими глазами. Мои наблюдения убедили меня, что этот народ одним из первых сбросит с себя ярмо, столь ненавистную систему. До «Солидарности» я получал от Ёсиро тексты Комитета защиты рабочих, а после создания «Солидарности» подумал: «Наконец-то!».

Но должно было пройти 7-8 долгих лет, прежде чем осуществились мечты Польши».

Благодаря инициативе Ёсиро Умеды, при участии проф. Кудо, во второй половине семидесятых в подпольное издательство «NOWA» («Независимый издательский дом»), пришли отличные японские матрицы, купленные проф. Кудо и контрабандно переправленные японскими друзьями-бизнесменами. Именно на этих матрицах была напечатана знаменитая «Черная книга цензуры ПНР», содержащая список тем и фамилий, о которых коммунистические власти запрещали писать и говорить в книжных публикациях, а также по радио и телевидению. Печать на японских матрицах была для подпольных типографов значительным техническим скачком, поскольку доступные в то время чешские матрицы часто рвались после печати всего нескольких десятков копий, тогда как японские были в несколько раз выносливее.

Вот как рассказывал про эти годы Ёсиро Умеда: «Наступает 1976 год. Уже в сентябре я получил первый бюллетень с составом членов Комитета защиты рабочих. На меня произвело сильное впечатление то, что люди, среди которых были мои знакомые, обладали смелостью обнародовать свое имя, фамилию, адрес, телефон. Мирослав Хоецкий начал организовывать Независимый издательский дом «НОВА». И кажется, Томаш Яструн^{Томаш Яструн (р. 1950) — польский писатель, поэт, эссеист, деятель оппозиции в период ПНР.} и Витольд Лучиво^{Витольд}

Лучиво (р. 1946) — польский инженер, организатор подпольной печати в период ПНР. пытались узнать, можно ли получить доступ к японским трафаретным матрицам (другое название: белковые — ЯС). Поскольку в Японии они использовались повсеместно, цена была очень низкой. В связи с этим, я спросил своего отчима, проф. Юкио Кудо, не согласился бы он купить для меня листов триста копирки. Господин Кудо купил ее, она стоила, может, 30 долларов. Он попросил одного из наших знакомых везти ее в Польшу как офисный материал. При проверке товара на границе таможенники, вероятно, не сообразили, что это такое. И несколько раз такие порции копки контрандандно провозились бизнесменами, связанными с фирмой, в которой я работал [„Nichimen” — ЯС].

Валенсовская лихорадка

После забастовок в августе 1980 г., окончившихся подписанием соглашений рабочих Побережья с коммунистами, в Польше возник первый в восточном блоке независимый профсоюз «Солидарность». Как человек, имевший в 1980 году прекрасные связи с доавгустовской оппозицией, Умеда-младший оказался в самом центре событий. Вначале он стал бывать в резиденции «Солидарности» региона Мазовии на ул. Шпитальной в Варшаве, где, по его воспоминаниям, встретил всех своих друзей, с которыми познакомился во времена существования Комитета защиты рабочих. Потом, осенью 1980 г., он посетил Гданьск и Леха Валенсу, о котором прежде много слышал, но которого не знал лично. Лех Валенса, известный своими нестандартными высказываниями, как раз сказал, что хотел бы сделать из Польши вторую Японию. Это заинтриговало молодого японца. Тогда он спросил его, что это значит. На это Валенса ответил, что его очень интересует Япония, и ему хотелось бы туда съездить. «Ты организуй это!» — бросил он Умеде.

В августе 1980 г. Польша оказалась в центре внимания всего свободного (и не только) мира, в том числе Японии. Вот как вспоминает об этом Такеши Мидзутани, в восьмидесятые годы главный редактор ежемесячника «Польский бюллетень» („Porando Geppo”): «Когда летом 1980 года в Польше появилась «Солидарность», в далекой Японии она стала предметом большого интереса и вызвала огромную симпатию. Можно со всей уверенностью сказать, что до этого японцы, а среди них и я, почти ничего не знали о Польше. [...] Почему те же самые японцы так сильно заинтересовались польским движением «Солидарности»? В моем случае это произошло потому, что это было рабочее движение, и мне казалось, что оно указывает на новые возможности, содержащиеся в социализме — строе, который займет место капитализма. [...] С другой стороны, [...] были такие, кто ожидал, что оно приведет к падению либо, по меньшей мере, ослаблению «империи зла».

Интриговала и фигура Валенсы. Ёсиро Умеда писал об этом так: «Интерес японской прессы к августовским событиям 1980 г. был велик. Сразу после подписания соглашений в Гданьске, Щецине и Ястшембе, в конце сентября-начале октября, в Варшаве принимали Рёити Танаку, генерального секретаря DOMEI, одного из четырех профсоюзных объединений Японии. Еще раньше, в начале сентября, приехал снимать фильм о Польше времен «Солидарности» известный в Японии политолог, эссеист и репортер японского телевидения Тэцуя Тикуси. Независимо от этого визита, в Польше находился проф. Синъити Сагава, специалист по трудовому законодательству из университета Васэда в Токио, в будущем мэр города Мито, который передал деятелям независимых и самоуправляемых профсоюзов много информации на тему профсоюзной ситуации в Японии. В начале ноября 1980 года в Польшу, в сопровождении экспертов, приехал Мицуо Томидзука, генеральный секретарь крупнейшего японского профсоюзного объединения СОХИО. Он выразил желание установить более близкие контакты с НСПС «Солидарность», одновременно декларируя как моральную, так и материальную поддержку со стороны Объединения. Встреча с лидерами «Солидарности» произошла 10 ноября [...] в Варшаве, непосредственно после официальной регистрации НСПС «Солидарность»».

Тогда был подписан договор между профсоюзами. Он, в частности, содержал приглашение делегации «Солидарности» посетить Японию.

Визит состоялся в мае 1981 года. По словам Хенрика Липшица (впоследствии первого посла свободной Польши в Японии), который, помимо Ёсиро Умеда, сопровождал делегацию в качестве переводчика, Валенса был так же популярен в Японии, как Ален Делон. Пребывание делегации НСПС «Солидарность» в Японии — писал Ёсиро Умеда — оказалось беспрецедентным событием, сблизившим оба народа «на большой скачок в несколько десятилетий». Визит носил чисто профсоюзный характер, но в ходе его случались встречи и с политиками. Валенсу принимали в Японии почти как президента, а его высказывания цитировались всеми СМИ и широко комментировались. Благодаря этой «Валенсовской лихорадке», по определению Ёсиро Умеда, ему, в частности, удалось получить телевизионную аппаратуру для польской «Солидарности», на котором во время военного положения работало нелегальное Телевидение «Солидарность». Кроме того, он вместе с отчимом, матерью и японскими полонистами и полонофилами (в большинстве своем студентами либо бывшими студентами Кудо), перед самым объявлением военного положения, сумел основать в Японии две организации для поддержки «Солидарности»: Центр польской информации, а также связанный с Центром, издававшийся все восьмидесятые годы на японском языке «Польский бюллетень», которые вели широкую информационную кампанию на тему Польши и «Солидарности», особенно в кругах политиков, ученых и журналистов.

Декабрьский шок

Декабрь 1981 года — это, наверное, наиболее драматический момент в жизни Ёсиро Умеда, который после

объявления польскими властями военного положения ожидал самого худшего. Как вспоминала его жена Агнешка, Ёсихо Умеда переоделся в традиционный японский костюм и ждал ареста, сидя в кресле. Он не был арестован, хотя его много раз увозили на допросы. Стоит упомянуть, что для него это не было чем-то новым. В первый раз такое произошло с ним во время съезда Польской объединенной рабочей партии в 1975 году, на котором он в последний момент заменил в качестве переводчика заболевшего коллегу-журналиста. Надо было случиться, что на съезде присутствовал Леонид Брежнев, и охрана обнаружила «подмену» в составе японской журналистской команды. Арестованный, он угодил в особняк Мостовских, знаменитую штаб-квартиру варшавской милиции, где, по его воспоминаниям, был принят в камере как давно ожидаемый гость. На вопрос, за что его арестовали, он ответил: «За Съезд». И услышал от товарищей по несчастью, как оказалось, бывших вполне в курсе мировых событий: «Мы так и знали, что привезут кого-нибудь со Съезда».

В начале января 1982 года случилось худшее. Решение о депортации. Ёсихо Умеда после многократных допросов, проводившихся функционерами Службы безопасности, был вынужден уехать из Польши. Это произошло 20 января 1982 года. Что интересно, он был первым деятелем «Солидарности» столь высокого уровня (заместитель главы Иностранного бюро крупнейшего регионального отделения «Солидарности» — Мазовии), который привез на Запад известия из Польши. В Париже его ждала мать. Вместе они отправились в Рим, где были приняты Иоанном Павлом II. Сразу же после объявления в Польше военного положения его мать Хисаё Умеда-Кудо основала в Японии Общество помощи полякам. На ее призыв, оглашённый по телевидению, откликнулись тысячи людей. Японцы оказались очень щедрыми. Было собрано много миллионов иен. Часть денег послужила для запуска т.н. акции килограммовых посылок, которые потом отправляли в Польшу. С частью этой суммы Хисаё приехала в Европу и вместе с сыном вручила ее папе Римскому. На поддержку «Солидарности», объявленной коммунистами вне закона.

Стоит добавить, что это не было разовой акцией. Общество помощи полякам действовало несколько лет, в огромных масштабах, так как после акции килограммовых посылок в Польшу поплыли контейнеры с подарками. Многие из них попадали в варшавский костёл св. Мартина на Пивной улице, где с первых дней военного положения действовал Комитет помощи лицам, лишенным свободы, и их семьям под патронатом примаса Польши, с которым сотрудничала Агнешка Жулавская-Умеда. Она вспоминает, что на судах, перевозивших подарки, обычно путешествовали и супруги Кудо. Долгие месяцы пути они использовали для работы: «они были очень счастливы, могли работать, брали с собой своих любимых кошек. Мама тогда писала книги воспоминаний о Польше. В названии почти всегда была какая-нибудь кошка, например, «Чистя кошке ушки», «Рассказ о варшавских кошках», «Кошачье путешествие через море».

Для Ёсихо Умеды визит в Рим стал огромным событием. Как историка искусства его провел по недоступным для публики ватиканским собраниям искусств папский секретарь, впоследствии кардинал, Станислав Дзивиш. Но наибольшее впечатление произвел на него Кароль Войтыла (Иоанн Павел II). Несколько лет спустя, как и его отец, который перед смертью перешел в католичество, приняв имя Станислав, он, Ёсихо Умеда, окрестился и принял имя Юзеф. Это произошло в Японии в 1984 году, а его крестным отцом *per procura*^{По церемониалу (лат.)} стал Лех Валенса, председатель нелегальной тогда «Солидарности».

Он уехал из Польши без семьи, так же как его отец когда-то, рассчитывая на то, что вскоре сможет вернуться. Вначале в Японию, где вместе с отчимом Юкио Кудо участвовал в работе Центра польской информации и редактировании «Польского бюллетеня». Ему также удалось довести дело до создания межпартийной парламентской группы по изучению ситуации в Польше, в которой участвовали многие известные японские политики.

Умеда подчеркивал, что в группу вошли как ортодоксальные марксисты, так и представители крайне правых. Вопрос «Солидарности» стал связующим веществом, нивелировавшим не только идеологические, но и профсоюзные разногласия. Профсоюзные объединения просто соперничали между собой в организации акций поддержки для «Солидарности». В частности, именно благодаря дотациям японских профсоюзов, Ёсихо Умеда на какое-то время получил работу в координационном бюро «Солидарности» в Брюсселе, то есть в ее иностранном представительстве. Когда закончилась дотация японских профсоюзов на трудоустройство в Брюсселе, он стал работать гидом для японских туристов. Объездил с ними весь мир, используя поездки для посещения польских друзей в Европе и Америке. Ему не хотелось возвращаться в Японию. Один из его друзей, Томаш Яструн, рассказывал о том, как однажды посреди ночи его разбудил звонок Ёсихо, который жаловался, что больше не может выдержать «в этой пустыне». Яструн вообразил себе, что Ёхо, как называли его друзья, видимо, находится с японской экскурсией у египетских пирамид, а оказалось, что тот звонит... из Японии.

Стоит добавить, что даже в Японии Ёсихо Умеда постоянно жил польскими делами. В его японском доме всегда присутствовали Польша и поляки, там устраивались встречи и лекции на польские темы, принимали гостей из Польши. «Наш дом стал местом, которое поляки, бывавшие в Японии, просто обязаны были посетить — вспоминал за несколько лет до смерти Ёсихо Умеда. — Это было как будто частное посольство. Многие деятели искусства, пан Вайда, Кесьлёвский, Майя Коморовская». Еще Умеда вспомнил о двух съездах с участием поляков. Первый — это конгресс философов. А второй — встреча нобелевских лауреатов. В первом участвовал известный польский философ Лешек Колаковский, во втором лауреат Нобелевской премии по литературе Чеслав

Милош. И они попали в дом профессора Кудо, «где — как вспоминал через много лет Умеда — мы записали прекрасную беседу между Лешеком Колаковским и Чеславом Милошем на тему литературы послевоенной Польши».

Ёсихо Умеда тосковал по Польше. И направлял польским властям просьбы дать согласие на его возвращение в Варшаву. Вернуться ему удалось лишь в 1988 году. Не сразу. Вначале, в 1987 году, ему разрешили приехать на две недели — тогда он успел посетить свои любимые Татры.

Сюрприз

«Сюрприз» — это название кафе, находившегося в центре Варшавы, на площади Конституции. Сегодня его уже не существует. Но это место символично для польских перемен. Именно здесь в июне 1989 года размещался избирательный штаб «Солидарности» во время первых, во многом демократических, выборов в парламент. Важным это место было и для самого Ёсихо Умеды. В конце 1988 года он получил визу на три месяца. Начинались заседания «Круглого стола» «Круглый стол» — переговоры между властями ПНР и профсоюзом «Солидарность». Проходили в Варшаве с 6 февраля по 5 апреля 1989 года. «Солидарность» выходила из подполья, становилась легальной организацией, а поляки обретали свободу.

Однако им нужно было победить на выборах. И здесь важную роль довелось сыграть недавно вернувшемуся в Польшу выходцу из Японии. Он предоставил себя в распоряжение избирательного штаба «Солидарности» и занялся организацией выборов и финансами. Финансами еще и в том смысле, что внес в пустую кассу «Солидарности» из собственного кармана первую тысячу долларов. А потом организовал первый предвыборный опрос, из которого следовало, что выборы выиграет не Польская объединенная рабочая партия, то есть правившие до сих пор в Польше коммунисты со всем своим финансовым, пропагандистским и организационным аппаратом, но победа достанется «Солидарности», чьей опорой было лишь воодушевление людей, подобных Умеде.

Также многие идеи Ёсихо Умеды были использованы в информационной и пропагандистской кампании «Солидарности». Речь шла о том, чтобы поощрить поляков, получивших тяжелый опыт за годы военного положения, принять участие в выборах и проголосовать за представителей «Солидарности». Так и случилось. Коммунисты с треском проиграли выборы. В Сенат, то есть высшую палату парламента, выборы в которую были полностью демократическими, они не провели ни одного своего представителя.

Через короткое время Лех Валенса, крестный отец Ёсихо Умеды, стал президентом Польской республики. И вскоре после выборов на этот пост он поблагодарил самоотверженных японцев. Благодарность президента в августе 1991 г. была помещена в последнем, 112 номере «Польского бюллетеня».

Дом на Смялой

Как-то он сказал мне: «У меня отлично получается играть японца». Японец по рождению, поляк по собственному выбору. В свободной Польше он — как и пристало японцу — занимался бизнесом, пропагандировал внедрение т.н. чистой энергии. Одновременно он участвовал в польской жизни, работал в Совете старейшин «Солидарности».

Ёсихо Умеда умер в 2012 году. Он был похоронен в Варшаве на воинском кладбище «Повонзки» в родовой могиле... Камиля Зейфрида, друга своего отца и первого выпускника основанных им курсов японского языка при Варшавском университете. Зейфрид завещал Умеде и его жене Агнешке свой дом в варшавском Жолибоже, в красивом районе, который называли офицерским. Именно в могилу семьи Зейфридов тринадцатилетний Ёсихо вложил привезенную в Польшу урну с прахом отца. Здесь нашел последнее пристанище и его отчим Юкито Кудо, умерший четырьмя годами ранее.